

Седякин К.

Записки графомана

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Седякин К.
Записки графомана

«ЛитРес: Самиздат»

2019

К. С.

Записки графомана / С. К. — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Андеграундный писатель живет сумбурной жизнью вместе со своей девушкой и лучшим другом. Чтобы найти вдохновение, он под видом больного проникает в психлечебницу – на попечительство к неразборчивому бюрократическому аппарату. Вопреки всем запретам со стороны доктора Керви он продолжает вести тот же аморальный образ жизни, но вскоре узнает, что на Землю готовится сброс водородной бомбы, зашифрованной под новый вирус, который изменит жизнь человечества навсегда и повернет историю вспять....Содержит нецензурную брань.

© К. С., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Записки	5
Несанкционированное предисловие	5
Отпустило бы до полуночи	8
Квартира	9
Некролог	13
Круглосуточный делирий	15
Любой выход это вход	17
Permanent vacation	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Записки

Несанкционированное предисловие

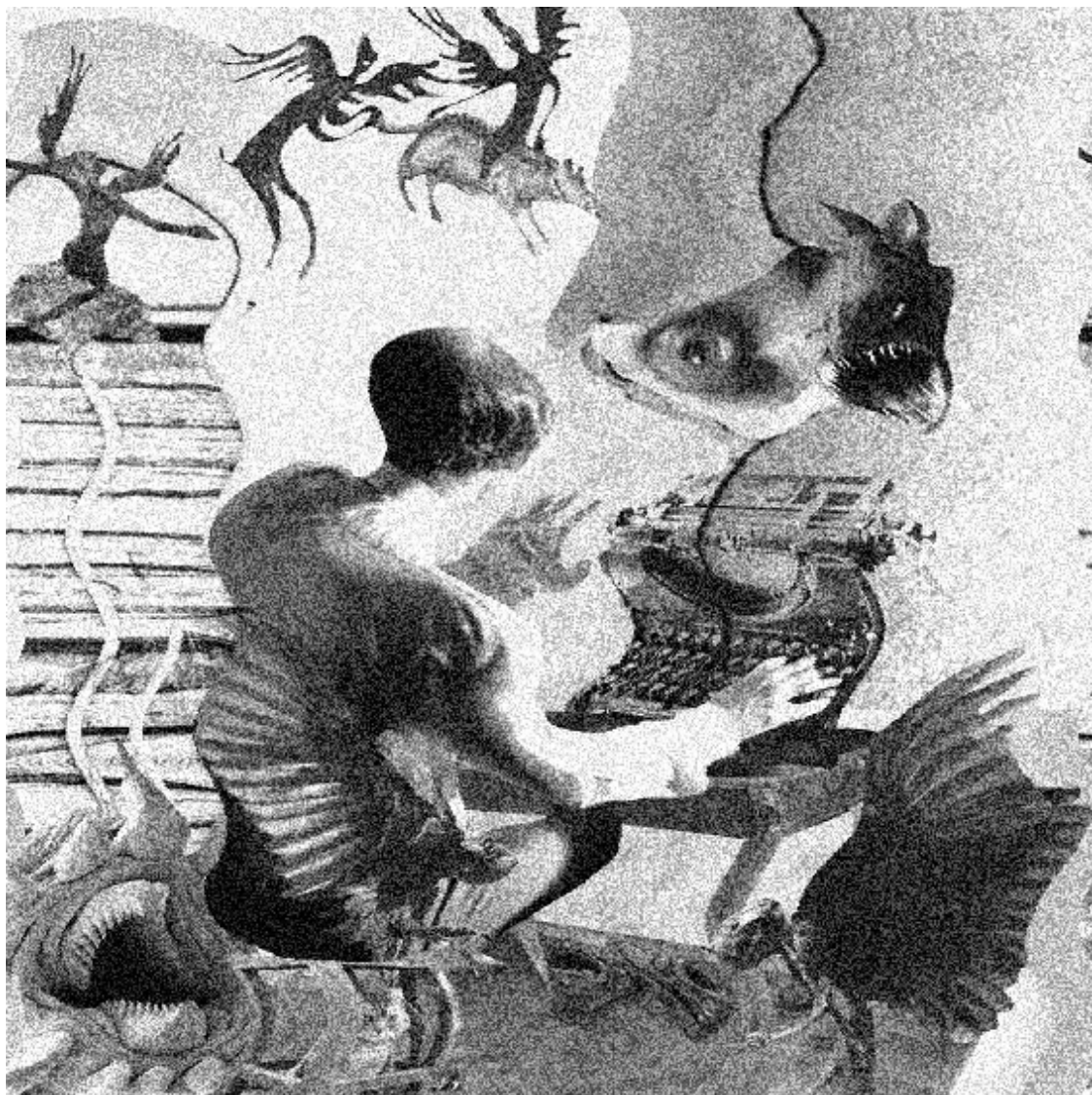
Я решил написать о том дне, когда на Землю сбросили ядерную бомбу. Я начал с опроса разных людей: «Что конкретно вы делали в тот самый день, о чем разговаривали с соседями, к какому врачу у вас был запланирован визит?» и все такое в таком духе. Тайная организация по разработке и созданию оружия массового поражения – сокращенно ТОРС ОМП – прислала мне на почту гневные отзывы о проделываемой мной работе. Как они об этом узнали, даже догадаться трудно.

«Нам известно наперед о каждом запланированном вами шаге, вы у нас на крючке» и все такое прочее. Я стал проверять комнату, которую я на тот момент снимал в постсоветском панельном доме, на предмет всеразличных подслушивающих и подсматривающих устройств. Ничего так и не обнаружив, я сел за работу, и тут мне пришла в голову идея: в ответ на такое обращение и скрытые, как мне показалось, в нем угрозы, призвать вассалов из ТОРС ОМП к дальнейшей финансовой помощи в предприятии, которое я задумал. Клин клином, как говорится. И это сработало.

Взамен на мои просьбы в финансировании, я обязал себя следовать их планам сокрытия и фальсификации реальной информации. Таким образом, я получал доступ к дополнительным сведениям, которых мне было не видать, как собственных ушей или небного язычка, не прибегни я к подобной уловке, что называется внедрение.

Многие вопросы мне приходилось обсуждать с их агентами, которые следили за каждым моим шагом и могли в любое время пожаловать ко мне домой; сколько бы я ни менял дверной замок, им удавалось его вскрыть, и тогда они начинали долгие расспросы о том, сколько страниц мной исписывается каждый день, сколько частей, глав, абзацев, планирую ли я ставить там-то и там-то точку или же запятую...и все такое в таком же духе. Потом же, когда я послушно проходил эту стандартную процедуру, которую я прозвал анкетированием, они начинали с того, что просили что-нибудь выпить (по этой причине мне приходилось постоянно держать дома спиртное в больших количествах), и затем пускались в длинные, порой даже сентиментальные рассуждения на тему жизни и смерти. Мне приходилось работать по ночам; когда агенты, следившие за мной, теряли бдительность, я сворачивал рукопись в полиэтиленовый пакет и прятал в сливном бачке.

Я ясно понимал, что меня не очень-то интересуют такие вопросы как мировое господство или там эра высоких технологий. Я знал, что ни за что не напечатаю и строчки о том, как какие-то там ученые собираются по вечерам в кегельбане пропустить стаканчик-другой. Единственный доступный для меня формат – это роман в романе, заключенный в жесткие рамки обыденности, потому что фантазировать у меня получалось всегда из рук вон плохо. Это не значит, что я классический реалист, я не пишу документалистику в субботней прессе, потому что и это тоже у меня навряд ли бы вышло на уровне хотя бы выше среднего. Корнем и главной движущей силой моей работы стали случайные события, сами собой произошедшие, я просто переносил это самое на бумагу и таким образом шел дальше, дальше и дальше, пока не дошел до текущего предисловия, которое, как мне показалось, будет очень кстати, чтобы как-то прояснить некоторые детали.

Наркоманы, подсевшие на ещё не синтезированные наркотики, сутенеры, сдающие в аренду человеческие души, воры, вынужденные просить милостыню, и писатели, пишущие от руки. Здесь считается плохим тоном, если у тебя нет собственной пишущей машинки.

– Вы пишете от руки? Какое хамство!

В местном портовом притоне негде жопы уронить. Битком моряков и прочей швали. Девочки с верхнего этажа просят на коленки к мужчинам в широкополых шляпах, дымящих сигарами и судорожно печатающих, печатающих на своих портативных вапро и телетайпах, транскрибаторах речи. Потные и безжалостные официанты разносят выпивку, а бармены протирают стаканы и разливают, разливают и разливают. Какое-то время назад быть писателем было невыгодно и даже очень опасно; теперь же это стало новым суперпопулярным занятием для мудаков, наркоманов, воров и продавцов с черного рынка.

Использование методов автоматического письма, то есть потока свободных ассоциаций, дает возможность предсказывать будущее. Только не в том классическом понимании, в котором преподносят это гадалки и уличные пророки. Влияет ли напечатанный текст на окружающую меня действительность? Да, конечно. Или же он написан под диктовку этой самой действительностью? И это тоже. Ну а что же тогда главенствует в таком случае? А разве это важно? Важнее, что напечатанный текст имеет отношение к вещам, которые только произойдут, и

которые обычный человек не в состоянии увидеть или предсказать. Я не удивлюсь, если про-
рок на самом деле гадал не на кофейной гуще, а на методе нарезок Гайсина.

Отпустило бы до полуночи

Вечером у меня была запланирована встреча, но я на нее попросту не пошел. Я опоздал на последний паром, отходящий в Санта-Монику. На телефон отвечать было бы в моем случае крайне безалаберно, и я сбрасывал раз сто. Каждый раз, когда телефон начинал вибрировать у меня в кармане, я с закрытыми глазами должен был достать языком до кончика носа и только потом сбросить. Для меня это превратилось в некий ритуал, и как жить дальше без него я не представлял. Прохожие на улицах вели себя сдержанно и даже слегка побаивались меня. Таким макаром я добрался до таксофона, но у меня не оказалось мелочи. Тогда я нырнул в оживленный поток на углу Лексингтон-авеню и Сто двадцатой. Никто меня не преследовал, я встал у местного гей-клуба и через витрины наблюдал за прохожими. Некоторые из них были похожи на следопытов. Например, тот мужичок с мультяшным гульфиком и собачонкой. Или молокосос в курсантской форме, который подошел стрельнуть сигу. Сбоку у него на ремне болталась фляга – сто пудов не с минеральной водой. Глаза его были зеркальными. Или ещё была шлюха, которая тоже за радость прицепилась и начала домогаться до меня на предмет угостить ее по минимуму выпивкой, забуриться в дешманский мотель, а дальше дело за ней. Денег у меня не было. Вернее, я точно этого не знал, так как опасался наткнуться на жучок, если полезу в бумажник. Они не должны прознать, что я их раскусил, пусть лучше думают, что я у них на крючке.

Какая-то старушенция в латексном красном комбинезоне просит, чтобы я помог ей перейти дорогу. Разве она не видит, что я и шага ступить не могу? Одним только взглядом мне удаётся ее переубедить, и она удаляется до ближайшего таксофона. Изредка я поглядываю на нее, как бы она не наделала глупостей. Она же пялится на меня и разговаривает с кем-то в этот момент по телефону. Понятно сразу, что обсуждаемым предметом являюсь я. Неужели ей хватило смекалки разгадать?

Квартира

– Не нужно строить из себя жертву, месье.
– Странно, инспектор. У меня нет привычки шуметь, друзей у меня мало, и я не вожу...
– Меня это не интересует, у меня других дел полно, как видите...но я получаю жалобы, и мой долг – поддерживать порядок. Настоятельно рекомендую вам: перестаньте заниматься ерундой по ночам.

На стол лёг измятый кусок туалетной бумаги.

– Ваш паспорт в ужасном состоянии. Замените обложку и, так уж и быть, я закрою на это глаза.

Лёха вернулся в квартиру и переоделся. Накрасил губы, подстриг ногти и нанес толстый слой красного лака. От запаха ему дало в голову. Он подошел к зеркалу, пошатываясь на одной ноге.

– Сволочи.

В дверь постучали.

– Ну что мне теперь, жить перестать?

В голове у Лёхи калейдоскопом помчались события. Одно за другим. Рабочие снизу латали козырёк крыши. За дверью никого не было. Но стучать так и не перестали.

– Оставьте меня в покое, черт бы вас подрал!

Лёха кинулся в окно, и портьеры задрожали от порывов холодного ветра.

Туфли на шпильках торчали из кучи песка. Передние зубы скакали звонко по асфальту. Лёха предпринял попытку подняться на ноги, когда его окружили жильцы и случайные прохожие, но тут же свалился от адской боли.

– Месье, месье! – завелась молодая прачка, живущая в подвале.

– Что там?

– Это во дворе.

Эхо перебивало шаги выбегающих из подъезда ног.

– Нужно вызвать скорую! Немедленно! – Месье Зин постукивал слоновой костью по железному столбу, пуская струи черного дыма и сплёвывая, морщась от запаха крови.

Лёха, пошатываясь на одной ноге, побрел по лестнице назад в квартиру.

– Месье, будьте разумны, дождитесь врачей.

– Я знала, что у него не всё в порядке с головой.

– Посмотрите, как он вырядился. Он же сумасшедший. И, тем более, мы ведь только починили крышу!

Констебль не заставил себя долго ждать и объявился, когда Лёха уже окончательно выбился из сил.

– Что здесь происходит? – осведомился он.

– Жилец выпрыгнул из окна.

– Опять? Где вы их берёте? – спросил второй коп-весельчак.

– Смотрите, он опять сбросится!

Лёха кое-как перекинул тело через подоконник и камнем свалился на головы собравшихся зевак.

– Можно ваши документы?

– Я думаю, у меня их с собой нет.

– ФИО?

– Алексей Довлатов.

Секретарша понуро уставилась на меня, не сводя взгляда. Через месяц будет готов, бросила она, когда я уже перепрыгивал через турникеты. Я свободен.

Первый рабочий день прошел на удивление приятно. Я выпил сто грамм виски с коллегами и съел кусочек торта. Стелла – мой координатор – оказалась на редкость смышленной и в то же время привлекательной. Она пригласила меня на after party.

Я перешел через заторенный автомобилями и двуколками мост. Золотые лучи солнца пробивались сквозь железные балки и прогоны. Теперь, перестав быть узником, я смотрел на всё вокруг другими глазами, глазами туриста, у которого полно времени и которому всё равно, что делать. Исчез тот безнадёжный человек, что, как гнилая шляпка, спасался от моря тоски.

Ход моих мыслей нарушил бродячий пёс – один из тех, что смело тянет руки, потому как, безусловно, обладает самым убойным запахом в округе. Он хотел знать, не накину ли я ему пару монет.

– Конечно, накину, в чем вопрос? – сказал я. – Могу дать и больше, если в том есть нужда.

Пёс встал на колени рядом и начал ползать в ногах. Он весь трясся, словно в параличе. Предложив ему сигарету, я прикурил для него.

– Разве, например, доллар не лучше, чем десятицентовик? – Я начал рыться в карманах. Он посмотрел на меня почти устало.

– Что мне придется за это сделать?

Я тоже закурил, вытянул ноги и медленно, словно разбирал карту местности, ответил:

– Тебе нужно срочно промочить горло. А я хотел бы знать французский, итальянский, испанский и английский и, пожалуй, арабский. Будь моя воля, я бы давно снимал в Голливуде. Но тебе в это вникать не надо. Я могу дать тебе один доллар, два, десять, могу дать сто. Больше ста не дам, разве только ты готов сниматься в моём фильме? Что скажешь?

Пёс явно нервничал. Он инстинктивно встал на задние лапы, будто я предлагал ему проглотить червя.

– Мистер, мне хватит и десяти рублей, – сказал он. – С лихвой на них нажрись.

Слегка сгорбившись, он протянул ладонь.

– Не спеши, – осадил я его. – Десяти рублей, говоришь? А что хорошего в десяти рублях? Что ты сможешь на это купить? Чего мелочиться? Это не по-нашенски. Почему бы тебе не купить целую бутылку этой отравы? А в придачу подстричься и побриться?

– Правда, мистер, мне так много не надо.

– Конечно надо. Как можешь ты так говорить? Тебе нужно много чего: еда, сон, мыло, вода, выпивка...

– Сто рублей – вот все, что мне нужно, мистер.

Я выудил из кармана купюру и вложил в его помятую жизнью ладонь.

Бродяга так дрожал, что сторублёвка выскользнула у него из руки, и её понесло в сточную канаву. Он потянулся за ней, но я его остановил.

– Пусть себе лежит, – сказал я. – Кто-нибудь пройдет здесь и найдет её. Пусть кому-нибудь повезет. А тебе – вот еще, – и протянул ещё одну сторублёвку. – Держи!

Пёс напрягся, взгляд его был прикован к сторублёвке в канаве.

– Можно я возьму и эту, мистер?

– Конечно нет. Тогда другой её уже не сыщет.

– Какой еще другой?

– Просто другой человек. Все равно кто.

Я держал его за рукав.

– Ладно, не дури, парень, пусть всё останется как есть, а я дам тебе двести рублей. Ты ведь не откажешься?

Стиснув зубы, бродяга вырвал руку.

– Мистер, – проговорил он, пятясь, – вы псих. Натуральный придурок.

Не взяв с меня денег, бродячий пес помчался прочь. Не оглядываясь и лишь оставляя желтые следы на высохшем песке.

«Сейчас вернётся», – подумал я и, чтобы не смущать бедолагу и не жалобить себя лишним раз в такой ранний вечер, побрёл домой – в съёмную квартиру на улице Штрассе. С мыслями, что до начала следующего рабочего дня пролежу в кровати в ожидании квитанций по квартплате, чтобы как никогда с лёгкостью все их оплатить, чего не было уже давно. Тиканье часов. Звезды, проступающие на кафельном небе.

Когда я уже переходил улицу, направляясь к подъезду, как гром среди ясного неба посыпался дождь со снегом. Мужчины, все как один в фетровых шляпах, повывскакивали из служебных каров, окруженные факельной толпой... с аллигаторами... сжимали горло в кожаных перчатках.

Месье Зин – гладко выбритый еврей – ждал моего прихода на ступеньках, в нетерпении закуривая очередную сигарету.

– Я думал, вы бросили? – начал было я, но голос мой подрагивал безвольно, будто предвещая что-то страшное и непостижимое.

Вместо какого-либо ответа на моё замечание, месье Зин указал на меня пальцем со словами: «Этот человек!» – после чего скрылся, сжимая кулаки, в темноте сквозившего западной коридора.

Многие из жильцов соседних квартир повылазили из окон, чтобы только попятиться, как полицейские меня схватят, наденут браслеты и смирительную рубашку, избыют и кинут в буханку. В моём же окне горела лампочка. Стелла прошла голой по комнате и вышла на балкон. Колян скинул пустую бутылку во двор, и та с дребезгом разбилась. Коп щелкнул замком на аллигаторе.

– Я сейчас же пойду и прогоню их.

– Не сомневаюсь, – коп-весельчак выписал мне штраф.

Мужчины в фетровых шляпах растолкались по карам и разъехались по домам.

Лифт сломался.

Только я переступил порог, готовый, как мне казалось, к любым разочарованиям, как то, что предстало моим глазам, надолго выбило меня из колеи. Запах мужчины и запах женщины. По полу раскидана рваная одежда, и мокрые следы ведут в спальню, дверь в которую беспомощно болтается, сорванная с петель. Колян и Стелла (я знал, что когда-нибудь это произойдет) беспомощно уставились на меня, как уставились бы, если бы в дверях вдруг объявился коп. То, что называется *coitus interruptus*. Как ни в чём ни бывало, Стелла голышом пересекает комнату, в то время как Колян пытается прятать глаза в сигаретном дыме. Она подходит ко мне и так же непринужденно целует меня в щеку, а потом и в лоб, как ненаглядное дитя.

Больная белая роза

на лепестковых развалинах

цветочного лона

червь,

то открывая глаза,

то закрывая их,

принимает позы

виденных им ранее совокупающихся животных.

– Что здесь происходит? – начинаю допытываться.

– Ничего, – говорит Стелла. – Мы принесли еды и выпивку.

– Ждали тебя.

– Ах вот как? – срывается у меня. – Да мне как-то всё равно. Я сегодня устроился на работу и даже успел получить небольшой аванс.

Кого-то пробирает на «ха-ха».

– Что смешного? – тут же надсаживаюсь я.

Стелла состроила такую гримаску, какую я вовек не забуду. Колян налил выпить. И всё вроде как осталось по-старому.

Вернувшись домой, я обнаружил записку. Клочок туалетной бумаги, исписанной дешевыми чернилами. Стелла как всегда в своем стиле, игнорирует правила грамматики и после каждого предложения ставит восклицательные знаки: «Я устала! Мне нет дела до твоих дел! Тебе нет дела до моих!» Тут мне стало смешно, и я налил себе выпить. Вещи остались нетронутыми. Зубная щетка. Бритвенный станок. Где мой бритвенный станок? Этот подлец украл мой станок. С этой мыслью я бросился к платяному шкафу за записочкой с крысиным ядом. Но и там было пусто. Обчистили! Сволочи!

– Когда же они, наконец, оставят меня в покое?

«С любовью, твои Стелла и Колян. P.S. Напишем, как только доберемся до Триумфальной арки».

– Что за глупости? Откуда у них деньги, чтобы отправиться в Европу без меня?

Меня уже начинало мутить, и я выпил аспирин. Не помогло. Тогда я пошел в нашу спальню, сел за столик, как это делала Стелла по утрам, и долго разглядывал песчинки пудры и тюбик с губной помадой.

– Как она могла меня оставить?

Прихрамывая, я вышел из квартиры, в которой все напоминало о старых добрых деньках, с намерением никогда туда больше не возвращаться, и побрел в сторону кладбища.

Когда я вернулся, изрядно накидавшись предварительно в баре, меня ждал большой сюрприз в лице Коляна.

– Это ты?

Колян, застигнутый врасплох, неуклюже запихивал цыпленка в духовку:

– Да, черт, а ты кого ожидал увидеть?

– Где Стелла? – спрашиваю.

– Сейчас будет. Что с тобой приключилось? Ты будто привидение увидел.

– Я заблудился.

– На этих улицах? – Насмешка читалась в его глазах, поэтому я присел на диван и тупо включил телевизор. Да на этих улицах легко заплутать.

– Неужели?

Колян, раздосадованный, побрел к платяному шкафу за порошком.

– И мнехвати, – крикнул я через спинку дивана.

К моему великому удивлению, он принес тот самый порошок, который оставался сегодня ещё с утра. Я побрел в нашу спальню к туалетному столику, куда обычно садилась по утрам Стелла, и нашел там ту самую записку. «Буду поздно. Куплю вино, с любовью, твоя Стелла». Моему удивлению задал встряску гулкий звонок в дверь. Шаги засеменили, и я услышал голос Стеллы. Сгусток поцелуя. И вот она уже стоит передо мной, застыла в дверном проёме.

– Коп оставил вот это под дверью. Походу он хочет, чтобы ты нанес ему визит, как считаешь? – Она скинула сумочку на кровать. Как обычно. И всё вроде как осталось по-старому.

Некролог

Том Вулф (1930-2018).

В 1966 году, после выхода из печати большого эссе о Калифорнийской культуре форсированных автомобилей, Том Вулф внедряется в компанию кислотного хиппи Кена Кизи и его соратников из банды Весёлых проказников и делает из этого серию репортажей в стиле гонзо-журналистики с элементами «диалогизмов в потоке сознания».

– «Электропрохладительный кислотный тест» не был пародией, насмешкой или сатирой.

Наряду с Хантером Томпсоном и Труманом Капоте – Вулф озаменовал себя крестителем новой журналистики 60-х, характерной чертой которой была «подлинность, поданная на блюде беллетристики». Он считал, что живя в век урезанных новостей и лицемерия, продвигаемого телевидением, ничего не стоит просто начать экспериментировать.

На гаражной распродаже Кена Кизи и его соратников из Grateful Dead было много всякой всячины: скобяная лавка Джо Льюиса и магазинчик «Лампа Аладдина и остальная мелочевка тысячи и одной ночи» плюс еще некоторая концертная аппаратура и рулоны американских флагов, и статуэтки Джимми Хендрикса, и, может быть, ещё что-то там из набора юного бойскаута. Мольберт с красками и комплектом кисточек, а так, в остальном, никому не нужный хлам. Старые радиолампы, транзисторы, рыбная леска, сломанный утюг, детский велосипед, переломанный на две части скейтборд,

и тут является коп в коповских очках и на мотоцикле. Паркуется прямо на лужайку, какая наглость, и произносит вслух:

Какая наглость! ступая в бутон собачьего дерьма, по-видимому. Какого черта вы тут делаете, говорит он нам. Смотрит на Кизи, потом переводит взгляд на меня.

С нами ещё ведь был Джек Николсон, он консультировался с Кизи по поводу роли в экранизации ГНЕЗДА и, может быть, хотел услышать вживую Grateful Dead.

Тебе чего, спрашивает он копа. Тот, будто не слышит, садится на четвереньки и принюхивается.

Тут дело дрянь, говорит коп. Запашок что надо, марихуанный.

Нет, вы знаете, мы ничего такого не используем, вы же знаете, сэр, мы добропорядочные граждане Америки, – спокойно поддерживает тему Кизи и кивает в сторону рулона с американским флагом.

Вы хорошо понимаете, о чем я. Коп остановился в нескольких метрах от багажника, в котором под ковриком что-то, как мне кажется, спрятано.

Джек чуть было не шелохнулся. Но копа вызвал кто-то по внутренней связи, и он передумал и вернулся к мотоциклу.

Вы у меня на крючке. Торчки сраные. Я плюю на ваши могилы, и коп отходит с лужайки, открывая доступ солнечным лучам в раскрытые настежь ворота, изрисованные краской с надписью «Гаражная распродажа».

Круглосуточный делирий

Я проснулся от громоподобных тарелок Бетховена. Эта ритмика сводила меня с ума, сквозь кошмарную пелену сна я видел ужасные картины повешения, линчевания, сжигания заживо. Но эти картинки были, как правило, мне не доступны, я знал, что это всего лишь картинки и не больше, всего лишь осколки новообразований, пусть и галлюцинаторных, но всё же не имеющих ничего общего с реальностью. Мой друг поневоле, профессор Кёрви, много рассказывал мне о них.

– Они призваны, чтобы напугать нас. Усыпить здравый смысл и растворить все имеющиеся у нас надежды.

Они были призваны растоптать мой здравый смысл.

Санитары забегали. Ещё один скрипач. Его звали Джо. Мало того что он был глухонемым, так ещё в нём брезжила индейская кровь. Он рассказывал истории племени Аяхуаске с помощью интерактивных видений. Аппарата для передачи эмоций, как здесь это называли. Ночью, когда дежурный фельдшер уходил «по фишке» домой, а сторож валялся где-то пьяный на задворках, я и Джо – мы садились в процедурной, натягивали на головы резиновые коробки с кучей болтающихся проводов и разговаривали с помощью мыслей. Его мир был туманным, заброшенным и настолько откровенным, что время от времени я протирал глаза рукавом больничной рубахи. Тут обычно врывался Кёрви и снимал нас на видеокамеру – «для опытов» – как он говорил, и благодарил нас каждый раз, когда наш с ним диалог доходил до катарсиса. Доктор Кёрви умело вел дневник, так что старшие санитары не знали, где он его прячет. Они часто заглядывали под матрац, совали трубку с лампочкой ему в желудок, но и там ничего не находили. В отделении был один единственный таксофон – связь с внешним миром. Но им обычно никто не пользовался. Зачем лишний раз мараить себя рассказами близких, как хорошо им живется на том свете.

И вот когда мы все братией спустились на больничное кладбище, было дождливое утро. Листья, желтые, висели на ветках клена и шелестели в такт молитве священника. Что это было за зрелище, когда черный санитар решил справить половую нужду за яблоней, оступился, и на него тут же набросилась стая земляных крыс. Те повывлазили из-под земли как бульдозеры и вцепились в черное и блестящее, словно пластмассовое, лицо. Сколько было крику! Доктор Кёрви сознательно установил камеру прямо под яблоней, другая была у него в руках. Он записывал звуковые дорожки всех разговоров пациентов и медперсонала. Иногда он даже забывал выключить диктофон во время помывки или вечернего туалета. Во время хозяйственных работ или игры в очко. Часами, в выходной день, когда в отделении никого не оставалось, мы пили кофе и слушали сделанные им записи.

Однажды таксофон, что стоял у нас в отделении, зазвонил, никто кажется, этого даже не заметил. Я поднял трубку, доктор Кёрви стоял рядом и подслушивал.

– Колян, – раздался голос на том конце провода.

– Колян слушает.

Уже тогда я понял, что это был Лёха Довлатов. Лёха с того, другого мира.

– У меня хорошие новости. Тебя сегодня выпустят, и мы можем смотреться в город.

– Да? С чего ты такое взял?

– Мне звонил доктор Кёрви и сказал, что дела твои идут в гору. К понедельнику ты окончательно поправишься, а сегодня можно смотреться до мотеля, снять пару шлюх, посмотреть телек и попить пива, что скажешь?

Если бы всё было так просто. Доктор Кёрви ждал, пока я открою рот, чтобы пихнуть мне пилюлю с аяхуаске. Старшая сестра смотрела на меня сквозь солнцезащитные очки, приехали

копы и детективы и начали вести допрос. ФСБ интересовалась моим прошлым. Будущее их мало заботило, более того, сами они боялись со мной разговаривать с глазу на глаз, поэтому внедряли в моё воображение всякого рода устройства и приходили всегда некстати, тогда, когда я совершенно их не ждал; они были галлюцинациями, миражами на мокром от луж асфальте, в то время как горели лампочки дневного света светило солнце я ставил холодное пиво...

Любой выход это вход

Эти лакированные, на размер больше ботинки, как в гангстерских фильмах, затертый до дыр пол, кровавые разводы от раздавленной мухи и пена в стакане с теплым пивом. Большой Стэн пялится на какую-то девицу в рваном пальто – разносчицу газировки:

– Эй, милочка, нас обслужишь?

Тут подплывает Эдди, после страйка он воодушевлен и даже слегка напуган.

– Ну что, ребята, как вам такой бросок?

Стэн судорожно оглядывается по сторонам и видит на табло сумму очков – на табло, на девицу с газировкой, на меня, на Эдди, снова на табло, – и я вдруг понимаю, что сейчас произойдет что-то неприятное.

– Я вот что тебе скажу, – начинает Большой Стэн свою любимую песню. – Мы знакомы уже черт знает сколько времени, но я так до сих пор не понял, кто ты, хрен его знает... только знаю точно, что ты слишком хороший мужик, чтобы зря потратить жизнь! Слушай, почему бы тебе не заняться делом? Если не хочешь, то хотя бы сделай милость, не губи себя на этих улицах, ловить тут нечего, мы оба это прекрасно знаем. Пока молод, пока ещё способен производить на женщин такое впечатление, что любая, вот смотри, в лепешку расшибется, лишь бы сделать тебе приятное, бросай ты эту суку, что поселилась у тебя в квартире. Сматывайся хоть прямо сейчас, да куда угодно, хоть на край света. Если тебе нужны для этого деньги, я достану... Хотя я и понимаю, что пользы от этого будет немного, это по сути как в унитаз бабки спустить, но всё же...

Стэн начинал впадать в сентиментальность, и тут в бар прошмыгнул залетный. В штатском и шляпе-стетсоне.

– Нам многого не надо, лишь бы отельчик держался на плаву, – пустился с ним в разъяснения бармен.

– Этот притон приносит тебе немалую прибыль... – начал было залетный.

– Баксы требует, баксы! – подсказал кто-то из зала.

Бармен полез в кассовый аппарат – тут-то мы и вмешаемся.

– Какого черта здесь происходит? – завопит Стэн. И достанет пушку настолько резко в своей фирменной манере, что залетный даже не успеет глазом моргнуть.

Кэш к тому времени уже будет лежать на барной стойке, возле белого от пены стакана. Запакованный в чемоданчик, всё как положено.

– Теперь мы тебя крышуем, засранец, усек? спросит он бармена, не спуская пушки с кровотокающего тела. А теперь, медленно садись на четвереньки и начинай принохиваться, говорит он залетному, и давай, говорит, чеши, вон, где сортир знаешь, там и сиди пока не дам сигнала, что можно выходить. Усек? уточнит Стэн у залетного.

Тот будто созреет для кипиша: встанет на четвереньки и начнет принохиваться, как собачонка, но сделает он это неохотно; его наверно не станет тревожить, что пушка торчит у него во рту и жжет изнутри, не давая спокойно сосредоточиться.

– И без глупостей давай.

Я заграбастаю бабки и начну потихоньку пятиться к телефонной будке, чтобы вызвать такси.

– Закажи пиццы, жрать охота, не могу. Лопата есть? – спросит Стэн, мочась прямо на пол. Так, собственно, всё и произошло.

Permanent vacation

Доктор включил записывающее устройство.

– А представьте, если вам только кажется, что люди вокруг считают вас ненормальным. Представьте, что вы нормальный.

На записи трудно различались детские голоса. Мой закадровый голос был наложен сверху. Я не сразу его узнал:

– Мне нравится это состояние, но временами мне в нём дискомфортно. Иногда мне на ум приходят странные вещи.

– Какие, например?

Я смутно помню этот сеанс. Навряд ли в нём содержалось что-то до конца откровенное. Доктор Кёрви никогда не пользовался моим доверием. Наоборот, к нему я относился как к своему злейшему врагу, а к нашим сеансам – как к пытке. «Сколько вы приняли сегодня таблеток?» – начинал доктор.

– Что вы добавляете в эти таблетки, что выписываете мне? Яд? Наркотики? Психотики? Что?

Доктор немного отвлекается – засмотрелся в окно на чьи-то ножки. Солнечные лучи гибнут под пыльной портьерой. Я сижу как обычно – спиной к двери. И чувствую себя крайне взволнованным, так что мне становится всё трудней и трудней контролировать ситуацию.

Доктор (смеясь): А что если вам только кажется, что я добавляю вам что-то в таблетки?

Мой голос (с реверберацией): Вы хотите сказать, что меня вообще возможно не существует?

Доктор: Нет. Вы существуете, но лишь наполовину, что конечно, только усугубляет ситуацию.

Мой голос (отдаленный): Как Том Сойер?

Доктор: Не совсем.

I've got a bike

You can ride it if you like

– Вы доктор, вам виднее, – заключил я, когда перешли к результатам анализов.

– Вот именно. Надо сказать, я давно уже определил ваш диагноз... как на грех, ничего утешительного, но, – доктор нехотя поднимается, отпирает сейф и выключает записывающее устройство (кнопка отщелкивается), – но, к счастью, нам все так же придется с вами встречаться, по тем же дням и в то же время.

Шумит в ушах.

Выкатываюсь на улицу: весь в пуху и перьях, и мчусь, мчусь вдоль по тротуару дальше и дальше отсюда...

– Что-нибудь будете заказывать? – бубнила себе под нос хромая барменша, одновременно протирая стаканы, в то время как Большой Стэн увлеченно рассказывал мне про свои давешние похождения с одной негритяжкой из закускойной в Китайском квартале.

– Ну и задница, я тебе скажу. – Он жадно отхлебнул из моей кружки. – Так тебе скажу, баба она что надо, точняк не из бракованных, и движется в слабую долю в стиле регги. Будто у нее заноза в трусиках и она хочет, чтобы ее хорошенько расчесали.

По словам Стэна, всё происходило в телефонной будке на углу третьей и четвертой улицы. И пока он её пялил, та набирала номер по телефону и лепетала с кем-то на французском.

– И все тарасились на нас, ты прикинь, в час пик, угол третьей и четвертой?

Барменша поставила холодный стакан с пивом и скрылась за стойкой, ища скатившуюся муху, которую сама же только что прихлопнула.

– Ну а у тебя что? Уже купил билеты?

– Какие билеты? – удивленно осведомился я, но уже затылком чувствовал приближение классического Стэновского монолога.

– Как какие, мать твою? Конечно же билеты на самолет, в поездах сейчас ехать небезопасно, а в самолетах, особенно в бизнес-классе, можно подцепить нормальную контролёру и пожать с ней в местном сортире.

– Ты имел в виду бортпроводницу?

– Какая к черту разница, ты как пилотку не называй, она все равно возьмет и в один день присядет тебе на яйца, – пробубнил себе под нос Большой Стэн, явно расстроившись.

Рассказывать ему то, что произошло со мной ночью, желания не было совсем никакого, и я решил немного соврать.

– Да знаешь, я позвонил в эту сраную компанию по бронированию авиабилетов... – Боковым зрением я увидел, как Большой Стэн лихо так приложился к моему пиву и тарачится на меня одним глазом.

– Ну и? – спросил он набитым ртом, и пиво потекло по подбородку.

– Да ни хрена. Они сказали, что билетов пока нет и не будет. Самолет у них сломался, что-то вроде того.

Даже самый отчаянный глупец не повелся бы на такой расклад, но Большого Стэна не смутить, он заглывает мою ложь, как младенец разбавленное пюре, и просит добавки.

– Ну а что эта сучка, наверно, жутко разозлилась? Она всё ещё у тебя селится или че? Я бы долго это терпеть не стал и перестрелял бы их всех к чертовой матери. – Стэн достал пушку, и телка рядом, походившая на шлюху, отскочила на метр и свалилась на пол, прижав голову руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.